

Содержание

- 6 О книге
- 9 Список сокращений
- 11 I. *Игорь Федюкин*. «...В сей час начинаю писать историю моей жизни»: Записная книжка А.И. Ржевского на стыке жанров и эпох
- 33 II. *Александр Феофанов, Игорь Федюкин*. Род и служба А.И. Ржевского
- 51 III. *Мария Пироговская*. Дневник больного середины XVIII в.: Взгляд из России
- 87 IV. Записная книжка секунд-майора А.И. Ржевского
- 88 Письма 1755–1756 гг.
- 94 Дневник. 1757 г.
- 116 Дневник. 1758 г.
- 144 Недатированные записи
- 150 Аннотированный именной указатель

О книге

Публикуемые в данной книге документы представляют собой содержание записной книжки секунд-майора Ширванского пехотного полка Алексея Ивановича Ржевского, хранящейся в Российском государственном архиве древних актов (далее РГАДА), в фонде 188 (Рукописное собрание), дело 418. Основное содержание записной книжки — дневник автора за 1757–1758 гг., однако А.И. Ржевский использовал ее для ведения также и хозяйственных, и служебных заметок. Именно такими разрозненными записями заняты первые несколько страниц книжки — это выписки из строевого устава; упоминания (зачастую непонятные нам сегодня) отдельных лиц, например, перечень служащих в канцелярии генерала князя Прозоровского, с которыми автору предстояло взаимодействовать; тех или иных бытовых происшествий; поручений разного рода, полученных им от родственников и патронов. Аналогичные записи встречаются и ближе к концу записной книжки; тут же находятся и выполненные иным, весьма профессиональным почерком реестры личного имущества, которое Ржевский берет с собой в поход. Очевидно, эти реестры составлены грамотным денщиком или писарем; позднее уже сам Ржевский делает рядом пометы об использовании или продаже этих предметов.

В данную публикацию мы сочли целесообразным включить абсолютно все записи, которые удалось расшифровать; нам пришлось опустить лишь несколько совершенно нечитаемых заметок (как кажется, хозяйственных), сделанных карандашом. Датировать разрозненные записи чаще всего невозможно, поэтому за исключением случаев, когда они кажутся прямо связанными с текстом дневника, мы поместили их в особом разделе в конце публикации. Мы также видим, что дневниковые записи Ржевского иногда вынуждены «перескакивать» через сделанные им ранее хозяйственные заметки. В одном из случаев он делает даже помету, обращенную к себе самому или к своему будущему читателю:

«Теперь я перейду чрез этот реестр (пазади котораго пишу мой журнал) на белаю бумагу». В других случаях Ржевский как бы возвращается назад и помещает дневниковые записи на оставшихся свободными страницах или частях страниц в начале записной книжки. При подготовке теста к публикации мы разместили такие записи в хронологическом порядке (хотя датировка их иногда является условной, что указано нами в примечаниях).

Текст документов передается с точным сохранением стилистических и фонетических особенностей документа (т.е. с заменой вышедших из употребления букв современными, обозначающими тот же звук). Мягкий и твердый знаки употребляются согласно современному правописанию. Деление текста на слова и предложения проводится в соответствии с современными правилами орфографии и пунктуации, проставляются необходимые по смыслу знаки препинания. Приписки, сделанные в документе его автором, вносятся в строку и оговариваются в примечаниях, причем авторские знаки сноски снимаются. Авторские скобки передаются круглыми скобками (). Квадратными скобками [] обозначается текст, вносимый публикатором.

Сокращенно написанные слова («под титлом») раскрываются, восстановленные слова не выделяются. Выносные буквы вносятся в строку без выделения. Пропущенные в документе и восстановленные по смыслу слова воспроизводятся в квадратных скобках. Непрочтенный из-за повреждения документа (обрыв, стертость от ветхости, разрыв, пятна, выцветание), а также неразобранный текст отмечается отточием в квадратных скобках [...]. Сокращения в общепринятых формулах вежливости и титулатуре не используются.

Прописные и строчные буквы при публикации текста документов употребляются в основном в соответствии с современными правилами орфографии. Явные описки (двукратное написание отдельных букв, слогов, слов, перестановка букв, пропуск букв) устраниаются в тексте.

Ряд записей несут следы авторской редактуры — отдельные слова зачеркнуты или затушеваны чернилами. Там, где такие фрагменты удалось прочитать, мы публикуем их в тексте и обозначаем зачеркиванием. Зачеркнутые фрагменты, которые не удалось прочесть, обозначаются в квадратных скобках. Авторские подчеркивания обозначаются в тексте соответствующим образом.

* * *

Неоценимую помощь в работе над этим изданием оказали Д. Сдвижков, Т. Костина, И. Виницкий, М. Лавринович, Н. Немцева и Т. Ярцева. Вся ответственность за остающиеся в тексте ошибки и неточности, разумеется, лежит на научном редакторе.

И. Федюкин, А. Видничук

Список сокращений

- БАН — Библиотека Российской академии наук (Санкт-Петербург)
- ПСЗ — Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. 1649–1825 гг. Т. 1–45. СПб.: Типография II Отделения С. Е. И. В. Канцелярии, 1830.
- РГАДА — Российский государственный архив древних актов (Москва)
- РГВИА — Российский государственный военно-исторический архив (Москва)
- РГИА — Российский государственный исторический архив (Санкт-Петербург)
- РО ИРЛИ — Рукописный отдел Института русской литературы (Пушкинского Дома) Российской академии наук (Санкт-Петербург)
- СПИИ РАН — Санкт-Петербургский институт истории Российской академии наук (Санкт-Петербург).

«...В сей час начинаю
писать историю
моей жизни»:
Записная книжка
А.И. Ржевского
на стыке жанров и эпох

Игорь Федюкин

«Благодарю бога, что я, хотя много болен, а до 1759 года января до 1 числа дожил и в сей час начинаю писать историю моей жизни»¹: так завершает Алексей Иванович Ржевский, секунд-майор Ширванского пехотного полка, свой дневник за 1757–1758 гг., публикуемый нами в данном издании. Надо сказать, что и время его создания, и его жанр делают этот документ достаточно уникальным. А.Г. Тартаковский в своей классической работе отнес качественный перелом в русской мемуарной литературе — «переход от летописно-аналитического способа изображения действительности к связно-целостному мемуарному рассказу и выдвигание на передний план личности автора с его индивидуальной биографией и духовно-нравственным миром» — к 1760-м — 1770-м годам². Действительно, именно в последней трети столетия или даже позднее рождаются такие яркие мемуарные произведения, охватывающие в том числе и середину века, как записки А.Т. Болотова, М.В. Данилова и ряд других.

Но если говорить не о ретроспективных описаниях, создававшихся много позднее как прямо литературные тексты, а именно о поденных записках, написанных русскими авторами непосредственно в елизаветинские годы, то окажется, что таких в нашем распоряжении совсем немного. Тартаковский насчитал всего пять подобных источников — «четыре жизнеописания, строго следовавшие летописному канону» (И.М. Грязнов, Г.П. Чернышева, В.В. Головина и В.А. Нащокина), «и только один дневник автобиографического характера», а именно «Журнал» И.П. Анненкова³. В действительности, конечно, таких источников больше: так, Тартаковский не упомянул «Выдержки из дневника, полученного из усадьбы Ермоловых», атрибутированные недавно пажу Алексею Будакову⁴, и дневник кн. П.Н. Трубецкого⁵; недавно была опубликована охватывающая в том числе и этот период хроника жизни кн. М.А. Белосельского⁶, и т.д. Но, так или иначе, тексты эти можно пересчитать по пальцам.

¹ Недатированная дневниковая запись. РГАДА. Ф. 188. Оп. 1. Д. 418. Л. 98.

² Тартаковский А.Г. Русская мемуаристика XVIII — первой половины XIX в.: от рукописи к книге. М.: Наука, 1991. С. 58.

³ Там же. С. 49.

⁴ Выдержки из дневника, полученного из усадьбы Ермоловых // Костромская старина. 1892. Вып. 2. С. 1–12 (Янв. 1755–окт. 1756 гг.); его атрибуцию см.: Писаренко К.А. Повседневная жизнь русского двора в царствование Елизаветы Петровны. М.: Молодая гвардия, 2003. С. 12–13.

⁵ Юзефович В.М. Князь Трубецкой, заметки его в календаре в 1762 году // Русская старина. 1892. № 2. С. 443–448.

⁶ Белосельский М.А., Белосельская Н.Г., Белосельская Н.М. Дневник Белосельских-Строгановых // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах

На этом фоне дневник А.И. Ржевского, дворянина ничем не примечательного и не имевшего, как кажется, ни выдающихся интеллектуальных амбиций, ни особенно блестящего образования, оказывается для нас настоящей находкой. Дело не только в том, что он расширяет ряд имеющихся в нашем распоряжении немногочисленных источников елизаветинской поры. И даже не в том, что он довольно подробно освещает те стороны офицерской и дворянской жизни, которые мало затронуты, а то и не затронуты вовсе в уже известных нам дневниках середины столетия, — прежде всего, это недуги Ржевского, его связанные с этими недугами переживания (значению дневника как источника по истории медицинских и физиологических представлений и практик в России в XVIII в. посвящена публикуемая в этой книге специальная статья М. Пироговской), а также его любовная жизнь. Существенно, что дневник Ржевского представляет собой переходный, промежуточный этап между двумя выделявшимися Тартаковским типами текстов, «летописным» и «мемуарным». Мы видим, что Ржевский не просто ведет регулярные записи, но и здесь же, в дневнике, начинает их литературную обработку; он прямо рефлексировал по поводу происходящего вокруг него и с ним самим и даже вступает в диалог со своим потенциальным читателем. Здесь же мы находим и ранние примеры описания и анализа собственных переживаний, откуда уже рукой подать и до «сентименталистских влияний», проявление которых в русской мемуаристике Тартаковский также относил к 1760-м — 1770-м годам. В известном смысле, в дневнике обнажаются механизмы перехода от «летописности» к «мемуарности», что видно уже в процитированной нами выше фразе о намерении автора «писать историю моей жизни».

* * *

В основе записной книжки Ржевского лежит печатный «Санкт-Петербургский календарь на лето от Рождества Христова 1757, которое есть простое, содержащее в себе 365 дней, сочиненный на знатнейшие места Российской империи» (СПб.: При Императорской Академии наук, 1756)⁷. Это сближает дневник Ржевского с некоторыми другими известными нам поденными записками той поры, которые также велись на страницах календарей⁸; собственно, на страницах печатных календарей велись и некоторые

и документах XVIII—XX вв.: Альманах. Т. 14. М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 2005.

⁷ См.: Сводный каталог книг гражданской печати XVIII века. 1725—1800. Т. 4. Периодика / под ред. И.П. Кондакова. М.: Книга, 1966. С. 235.

⁸ Юзефович В.М. Указ. соч.; Выдержки из дневника, полученного из усадебных Ермоловых.

из петровских «походных журналов». В этом смысле, мы видим, как появление таких календарей в повседневном обиходе как бы подталкивает людей XVIII в. к фиксации событий собственной жизни: внесение в календарь мелких помет под тем или иным числом оказывается делом довольно естественным. Например, в одном из экземпляров «Санкт-Петербургского календаря» за тот же самый 1757 г., хранящемся в Российской государственной библиотеке, его неизвестный владелец сделал несколько пометок, которые вполне могли бы встретиться в записной книжке Ржевского: «Апреля 8 дня зачал учиться Хрисанф Макаров», «Срок [нрзб] мая 4 дня 1758 году».

В случае Ржевского, однако, календарь целенаправленно превращен в нечто вроде ежедневника в кожаном переплете. Владельцем опущены входившие в состав издания довольно пространные приложения, вроде «Изъяснения поставляемого в календаре церковного счисления» профессора Никиты Попова или краткого родословия «владельцев в Европе фамилий», а между страницами собственно календаря специально вплетены листы чистой бумаги, на которых автор и ведет свои записи, как дневниковые, так и хозяйственные; на обоих форзацах сделаны бумажные карманы, куда, вероятно, можно было вкладывать какие-то отдельные записки или документы. В некоторых случаях Ржевский разлиновывает страницы для ведения дневниковых записей: сверху страницы указывается месяц, а слева, на отчеркнутых полях, — число. В других случаях, однако, такой разлиновки нет, не всегда указан и месяц (см. первую вклейку); в таком случае о датировке записи приходится догадываться по ее расположению. Историю этой записной книжки установить, к сожалению, не удалось: мы не знаем, как и откуда она попала в РГАДА (об атрибуции дневника см. статью А. Феофанова и И. Федюкина в этой книге).

В первую очередь дневник Алексея Ржевского отражает реалии полковой жизни и служебных отношений офицера средней руки в середине XVIII в. Одна из ключевых таких реалий — это, конечно, дорога. Ржевский постоянно в пути — он то едет к месту службы или в отпуск, то следует куда-то с командой инвалидов, то марширует со своим батальоном, то нагоняет полк на стоянках; он ночует в лесу, где его застигает гроза; переправляется через реки; обедает у местных помещиков и чиновников; если не едет, то стоит со своим батальоном лагерем в чистом поле, и т.д. В общей сложности, за те два года, которые охватывает этот дневник, автор проводит в пути или на временных стоянках, на постоянных дворах и в придорожных деревеньках не менее 164 суток, т.е. почти каждый четвертый день — и это при том, что полк не находится в действующей армии. Значительная часть

записей — это просто перечисление почтовых станций или населенных пунктов и расстояний между ними. Но из записей секунд-майора мы узнаем и о его общении и расчетах с ямщиками; о том, что делать, если в дороге сломалось колесо; о том, что в Твери в июле 1757 г. его «циганка обманула»⁹. Правда, описания впечатлений от увиденного по дороге мы почти не находим. Едва ли не единственный случай, когда автор как-то отзывается о посещаемом им городе, это комментарий по поводу Изборска, через который он проезжает осенью 1758 г.: «Маленькой городок каменной и весь обвалился, каменная стена, посаду нет, а жи[ву]т монастырския мужики»¹⁰. Можно только гадать, говорит ли его повышенное внимание к такому незначительному населенному пункту о знакомстве Ржевского с летописным рассказом о происхождении русского государства.

Еще одна важная реалия служебной жизни автора, бросающаяся в глаза при прочтении дневника, — ключевое место, которое в ней занимают родственные связи. Ржевский постоянно обращается к всевозможным милостивцам и патронам по самым разным вопросам — повышение и назначение, получение и продление отпуска, попытка отвести от себя беду в лице Тайной канцелярии, и т.д. Обращения могут и не иметь какого-то конкретного повода, речь может идти просто о «добром расположении» вообще: «Писал к брату князю Василью Барисовичу Голицыну в Харьков письмо, которым просил ево, чтоб меня в милость ево тестю графу Петру Семеновичу Салтыкову рекомендовал, что полк наш Ширванской из Москвы следует в ево команду в Малороссию», — сообщает автор в 1757 г.¹¹

Конечно, мы понимаем, что к помощи покровителей должны были обращаться в ту эпоху абсолютно все офицеры: без этого карьера просто не могла состояться. В данном случае, однако, бросается в глаза разветвленность этой сети патронов. Обычный офицер мог надеяться, если повезет, на помощь какого-то одного вельможи: в мемуарах того времени мы находим описания усилий, предпринимаемых авторами для того, чтобы «выйти» на потенциального патрона, зачастую через третьи или четвертые руки; подчеркивается случайный (и ненадежный) характер таких контактов. Ржевский же в силу своих обширных фамильных связей и принадлежности к столбовому дворянству может по-родственному

⁹ Дневниковая запись от 14 июля 1757 г. РГАДА. Ф. 188. Оп. 1. Д. 418. Л. 34 об.; с. 102 наст. изд.

¹⁰ Дневниковая запись от 6 ноября 1758 г. РГАДА. Ф. 188. Оп. 1. Д. 418. Л. 75 об.; с. 133 наст. изд.

¹¹ Дневниковая запись от 26 июля 1757 г. РГАДА. Ф. 188. Оп. 1. Д. 418. Л. 23 об.; с. 104 наст. изд.

обращаться к очень широкому кругу генералов и сановников. Ведущую роль здесь играют, конечно, «тетушка» кн. Н.Г. Белосельская и ее братья графы Чернышевы, но одновременно Ржевский легко адресует и к фельдмаршалу А.Б. Бутурлину; и едва ли не к каждому губернатору, через чью провинцию он проезжает, как, например, к кн. И.А. Прозоровскому в Украине; и даже к «Ивану Ивановичу» — употребление этого имени-отчества без уточнения фамилии и должности заставляет полагать, что речь идет о находящемся на пике своего влияния И.И. Шувалове. Более того, хотя автор и придерживается в письмах к покровителям приличествующего случаю тона, рассыпается в заверениях в вечной преданности и безграничной благодарности, это все же не униженные просьбы клиента, мечтающего, что вельможа, быть может, снизойдет до того, чтобы уделить ему внимание. Скорее, это письма человека, уверенного в своем праве обращаться — по-родственному — за содействием и не предполагающего возможности отказа.

Наконец, примечательна материальная сторона служебной жизни Ржевского, а вернее, его режущая глаз бедность. Дело в том, что, несмотря на обширные связи и столбовое дворянство автора, официальные документы сообщают нам, что по состоянию на 1756 г. за Ржевским «мужеска полу душ не имеется». Вообще-то Ржевские были не бедны, поэтому как дошел он до жизни такой, не вполне ясно: одно из его писем указывает на конфликт с сестрой, Е.И. Колычевой, и на некоторые претензии к ней со стороны автора — возможно, это отзвук каких-то споров о (не доставшемся ему) наследстве. В итоге дневник Ржевского дает нам представление как раз о незавидной доле офицера, который может рассчитывать на одно лишь не всегда регулярно выплачиваемое государевое жалованье.

С одной стороны, реестры имущества, которое секунд-майор берет с собой, когда полк готовится выступить из Малороссии в направлении Прибалтики, на соединение с действующей армией, оставляют ощущение комфорта, даже некоторой элегантности походного быта; перечни всевозможных предметов в багаже Ржевского, от рубашек и платков до темляков и посуды, крайне любопытны как отражение его вещного мира. Но, с другой — здесь же мы видим и мелочный учет сахара, и пометы о продаже каких-то носильных вещей. Особенно сильное впечатление производит эпизод 8 декабря 1758 г., когда секунд-майор императорской армии, столбовой дворянин, находящийся не в плену или на вражеской территории, а в Риге, в пределах российских границ, делает запись: «Сей день я голоден был, [потому] что не на што было есть купить, денег не стало!» Майор вынужден продать полушубок-«кирейку», на которую еще и не сразу находят покупателя, — и он не только рад полученному

барышу в несколько рублей («я признаюсь, что я рад был той продаже по бедности моей»), но и точно помнит, почему покупал в прошлом году в Полтаве овчину для этой кирейки (3 р. 50 к.) и откуда взялся суконный верх (подарок тетки Е.О. Чернышевой, пожаловавшей ему несколько лет назад другую шубу, видимо, не новую, а с вельможного плеча)¹². Достойным упоминания событием для Ржевского оказывается и утеря кушанья, опрокинутого нечаянно детьми рижского обывателя, у которого он квартирует: убыток составил аж 18 копеек. От вырученных за проданную кирейку 10 рублей у Ржевского к этому времени осталось лишь 1 р. 80 к.: «А кагда ети все деньги изойдут, то и не знаю где взять будит! Так и продать уже мне нечева. Во всем кладусь на волю божию, он меня пропитает, кагда жизнь мою продалжаит», — размышляет штаб-офицер. Для него важно отметить, однако, что когда квартирный хозяин присылает 5 марок в возмещение ущерба, нанесенного его детьми постояльцу, принять их Ржевский, несмотря на свою бедность, отказывается¹³.

Особенно остро проблема бедности встает перед автором именно в Риге. Конечно, мы встречаем ее отзвуки и ранее, когда он перемещается по великороссийским губерниям и Украине. Однако там, похоже, она притупляется опять-таки наличием обширных родственных связей. Ржевский постоянно останавливается или просто обедает у родственников, знакомых или у местных чиновников, которые, судя по всему, принимают и привечают его не только в силу его майорского ранга, но и в силу его родственных связей. У покровителей он буквально-таки «стреляет» по червонцу — то 10 имперялов поступают от «Ивана Ивановича» (характер его отношений с фаворитом неясен, но очевидно, что они знакомы), то 10 рублей от «тетушки» княгини Белосельской или от «сестры» графини Апраксиной (8 из которых в обоих случаях сразу уходят лекарю). «Прошу вас только о том меня поскорее уведомить, чем вы намерены меня ссудить ныне, и в чем бы я мог прямо надейтца», — требует он ответа от сестры, с которой находится в конфликте¹⁴. Выехав же в прибалтийские губернии, Ржевский, видимо, теряет возможность опираться на эту сеть; кроме того, он почему-то уезжает от своего полка — в общем, вынужден жить на наличные, с которыми у него туго.

¹² Дневниковая запись от 8 декабря 1758 г. РГАДА. Ф. 188. Оп. 1. Д. 418. Л. 83; с. 138 наст. изд.

¹³ Дневниковая запись от 12 декабря 1758 г. РГАДА. Ф. 188. Оп. 1. Д. 418. Л. 87–87 об.; с. 140 наст. изд.

¹⁴ Дневниковая запись от 18 июля 1757 г. РГАДА. Ф. 188. Оп. 1. Д. 418. Л. 51; с. 103 наст. изд.

О чем, однако, вовсе не пишет секунд-майор Ржевский в своем дневнике, так это о Семилетней войне: из текста нельзя и догадаться, что дело происходит в самый разгар кровопролитного конфликта, который из-за его масштабов некоторые историки называют даже «первой глобальной войной». Более того, Ширванский полк выдвигается в конце лета 1758 г. в Прибалтику не просто так: находившимся ранее в резерве русским частям было велено собираться под Ригой после кровавой бани Цорндорфа, поразившей воображение современников ожесточением участников и количеством жертв¹⁵. Конечно, новости в то время путешествовали медленно, однако к тому времени, когда Ржевский добрался до Риги, он уже должен был слышать и о масштабах потерь под Цорндорфом, и о ранении и взятии в плен одного из его «дядюшек», неоднократно упоминаемого в записной книжке гр. З.Г. Чернышева. К этому времени, правда, на Ржевского накатывает особенно сильный приступ его недуга, и переживания по этому поводу заслоняют в его глазах все остальное. Но не находим мы в дневнике Ржевского никакого волнения по поводу предстоящих сражений, никаких ожиданий возможной гибели или, наоборот, возможного получения наград, даже просто упоминаний самого факта войны и ранее, на всем протяжении 1757–1758 гг., хотя для секунд-майора, насколько можно судить, речь шла о первом в его жизни боевом опыте.

* * *

Как мы видим, Ржевский фиксирует в дневнике не только события своей жизни, но и свои переживания, как, например, свои мысли в связи с отсутствием у него денег. Одно из самых ярких его переживаний отражено в приводимых им в записной книжке письмах и связано с ожиданием ареста. Как сообщает он своим покровителям из Великих Лук, куда его занесло по служебным делам в 1755 г., некий «здешний бездельник господин Нелединский» подал на него «вымышленное доношение», которое было переправлено в Тайную канцелярию, — и в тексте Ржевского мы встречаем уникальное описание самоощущения человека той поры, представляющего, что его вот-вот захватят жернова карательной машины. «Я таперь дражу со страху», — признается Ржевский кн. Н.Г. Белосельской. «Я таперь со страху не знаю сам, что я делаю, что ежеминутно ожидаю из того места за собой присылки. Мне не будит тогда время о том Вам подать надлежащее уведомления, когда меня за крепким коралом [во] всем ызвестное повезут места», — пишет он ей же в другом письме. Ржевскому не приходит в голову надеяться на справедливое

¹⁵ См.: Сдвижков Д.А. Письма с Прусской войны. Люди Российско-императорской армии в 1758 году. М.: НЛО, 2019.

разбирательство, не видит он в возможных действиях Тайной канцелярии и никакого рационального смысла или государственного интереса — ожидающие (но в итоге минувшие) его злоключения он понимает исключительно как «вымышления одной злобы ко удовольствию ея проклятой страсти, чтоб только безвинного человека погубить»¹⁶.

Какие именно «неприличные слова» обронил Ржевский в Великих Луках, и как разрешилась эта ситуация — «каков [указ] на Нелединского доношения из Новогороцкой губернской канцелярии последовал», — выяснить, к сожалению, не удалось. Можно предположить, что это была какая-то оговорка, брошенное в запальчивости неосторожное слово: именно такие дела составляют большинство в реестрах Тайной канцелярии. Одно такое дело приключилось в самом Ширванском полку в сентябре 1757 г., во время стоянки в Сваромле, т.е., вполне возможно, в присутствии Ржевского. Каптенармус Федор Пасмуров упрекнул гренадера Федора Баженова за то, что тот не внес полтину на общий котел, который содержали служивые. Слово за слово, один из них заявил: «Я де твою полтину натурю» («выговорил то слово по-соромски прямо», — поясняет канцелярист). Последовал донос «по первому пункту»: на полтине было изображение государыни, речь шла об оскорблении величества. Времена, однако, были уже вегетарианские: Тайная канцелярия постановила, что политического преступления тут нет, «только в том состояла одна продерзость», а потому достаточно виновного лишь бить плетьюми¹⁷. Как кажется, в случае Ржевского дело не дошло даже и до ареста.

Однако самым важным источником переживаний и стимулом для саморефлексии становится для Ржевского его таинственная, явно хроническая болезнь, приступы которой он переживает на протяжении всех двух лет, охваченных дневником, и которая особенно обостряется с его приездом в Ригу в ноябре 1758 г. Судя по всему, речь идет о чахотке: в частности, одна из заметок в записной книжке упоминает травы, которые следует «пить от чехотки». Так или иначе, при чтении некоторых фрагментов журнала может показаться, что они чуть ли не написаны для последующей демонстрации врачу — настолько большое внимание уделяет здесь автор описанию стула и отходящих мокрот, потоотделения и колик, приема лекарств и их действия. Природа и возможный смысл этих практик медицинского самонаблюдения подробно разбираются в статье М. Пироговской. Здесь стоит лишь отметить, что зачастую именно

¹⁶ Письма А.И. Ржевского от 6 июня и 9 июля 1755 г. РГАДА. Ф. 188. Оп. 1. Д. 418. Л. 14 об.-15, 18 об.-19; с. 89 наст. изд.

¹⁷ РГАДА. Ф. 7. Оп. 1. Д. 1480. Ч. 2. Л. 39–41.

болезнь подталкивает Ржевского к фиксации, помимо физиологических, также и эмоциональных состояний, причем эмоциональное и физиологическое оказываются не вполне разделимы, как это хорошо видно, например, в записи от 13 декабря 1758 г.:

В 11 часу голова болеть зачала! И тоска не унулась, но час от часу во мне умножалась. И во все то время урин из меня очень много шло. Сей же день я мало ел, ибо таперь в ысходе 12 час с половина дни, то есть полночь! Час уже пополуночи пробила, а тоски во мне не уменьшаитца! Я хочу здесь одно примечание внести: во всю болезнь как я Почепе [был] и дорогаю, где я очень болен был, и здесь, что из журнала моево видно, в самое ета время, в которыя часу мне очень тяжело бывает, всегда сабаки воют, так как и сей час как я таскую, сабака выла¹⁸.

Примечательно здесь, как подробно автор наблюдает и фиксирует свои состояния, записи ведутся уже даже не по дням, а по часам. Бросается в глаза и неумеренное, иногда после каждой фразы, употребление восклицательных знаков, также отражающее стремление Ржевского подчеркнуть остроту своих переживаний, — еще один ранний предвестник нормативной чувственности и искренности, которая станет столь характерной для дворянской культуры несколько позднее¹⁹. Существенно при этом, что «тоска», о которой пишет Ржевский, — это пока еще прежде всего именно физиологическое состояние, род болезни, и он пытается установить взаимосвязь «тоски» с какими-то внешними событиями, например с тем, что «собака выла»; «тоска» может продолжаться «четверть часа», как приступ; тоска упоминается наряду с другими симптомами недуга и явно связана с ними.

Именно болезнь обнажает у Ржевского и страхи смерти, и рефлексию по поводу собственного чрезмерного употребления алкоголя, и даже готовность размышлять о самоубийстве. Врач рекомендовал Ржевскому принимать некоторое количество «вина простого» (т.е. водки) — и Ржевский признается самому себе, что незаметно привык злоупотреблять этим средством: «И подленно я сей день и ночь вина простова много пил. Видете, дорогой читатель моево журнала, как я себя отважил, не быв прежде никогда пьяницей, л[ьс]тяся получить мое здоровье, а таперь вижу себя в смертном состоянии. Да что делать, когда нибуть умирать [надо] будит»²⁰. Чуть дальше он прямо признается, что злоупотребление вод-

¹⁸ Дневниковая запись от 13 декабря 1758 г. РГАДА. Ф. 188. Оп. 1. Д. 418. Л. 88 об.; с. 140–141 наст. изд.

¹⁹ Сдвижков Д.А. Указ. соч. С. 39.

²⁰ Дневниковая запись от 13 декабря 1758 г. РГАДА. Ф. 188. Оп. 1. Д. 418. Л. 90 об.; с. 141 наст. изд.

кой связано с попытками притупить в себе страх смерти: «Я подленно пьян таперь. Чтоб безбоязненно умереть мог, то я много вина пил. Да и сколько жизнь моя продолжитца, пить ево буду. Я вижу, что пьяному легче умирать, как терозваму! Для тово, что меньше страху!»²¹

Наконец, по всему дневнику рассыпаны свидетельства романтический и сексуальной жизни автора. 16 января 1758 г. в Полтаве Ржевский отмечает, что когда он сидел дома и писал письма, «пришли ко мне две девицы в гости, оби бунчуковаго таварища дочери», т.е. девушки из семьи представителя малороссийской старшины — приключение, судя по всему, совершенно невинное, но показавшееся ему достойным фиксации²². По приезде в Ригу, однако, начинаются приключения другого сорта: 25 ноября 1758 г. у Ржевского «была Аннашка, с которой договорился»²³. 4 декабря разыгралась целая коллизия, о которой фрустрированный автор повествует весьма откровенно: «Была у меня Аннашка и другая изрядная девушка, только недолго были и ушли, для прежнево моево к ней неудовольствия мне отказала, для которой моей печали сей день я очень пьян был» — слова «мне отказала» Ржевский считает необходимым подчеркнуть²⁴.

8 ноября помечена самая, наверное, колоритная запись во всем дневнике, достойная вымышленного сородича нашего автора, героя анекдотов поручика Ржевского. Приехав ночевать на одну из почтовых станций на пути к Риге, автор отмечает: «Слабило. Девки хороши», объединяя в одной фразе две ключевые темы своего журнала, любовь и телесные отправления²⁵. Надо сказать, что Прибалтика — Рига, а чуть позднее и Кёнигсберг — фигурирует как место столкновения с разворотом и с платной любовью и в сочинениях тех же Болотова и Данилова. Не случайно поэтому, приехав в Ригу, наш герой считает необходимым овладеть первоочередными по важности разговорными немецкими фразами, которые он русскими буквами заносит в свою записную книжку (из чего, кстати, следует, что языка он не знает): «Вы хотите со мной

²¹ Дневниковая запись от 13 декабря 1758 г. РГАДА. Ф. 188. Оп. 1. Д. 418. Л. 91; с. 141 наст. изд.

²² Дневниковая запись от 16 января 1758 г. РГАДА. Ф. 188. Оп. 1. Д. 418. Л. 62; с. 116 наст. изд.

²³ Дневниковая запись от 25 ноября 1758 г. РГАДА. Ф. 188. Оп. 1. Д. 418. Л. 78 об.; с. 136 наст. изд.

²⁴ Дневниковая запись от 4 декабря 1758 г. РГАДА. Ф. 188. Оп. 1. Д. 418. Л. 81 об.; с. 137 наст. изд.

²⁵ Дневниковая запись от 8 ноября 1758 г. РГАДА. Ф. 188. Оп. 1. Д. 418. Л. 75 об.; с. 133 наст. изд.

помиловаться?»; «Вы хотите меня любить?»; «Останьтесь на некоторое время, моя подружка!»

Рядом с упоминаниями совсем уж простецких встреч с «Аннашкой», однако, обнаруживаются и отзвуки чуть более возвышенных отношений. В ночь с 13 на 14 декабря 1758 г., в самый разгар своей болезни, Ржевский «во сне видел мою полюбовницу, котораю я имел, как я в деревнях жил, что она ко мне приехала в гости»²⁶. Речь, должно быть, идет о дворянке — любопытное свидетельство романа по-соседски в помещицкой среде XVIII в.

* * *

Совершенно особое место на этом фоне занимает фигура троюродной тетушки Ржевского княгини Натальи Григорьевны Белосельской (1711–1760), вельможной дамы десятью годами его старше — судя по дневнику, главной его покровительницы и основного адресата его писем (см. о ней подробнее в статье А. Феофанова и И. Федюкина в этом томе). Обращенные к Белосельской послания, которые Ржевский приводит в своей записной книжке, полны, конечно, самых почтительных выражений. «Я всево более в жизни моей о том стараюсь, чтобы, милостивая государыня, во всех случаях Вам чювствительная моя предоность з должнейшим почтением и благодарностью хотя бы мало могла таму соответствовать, как не токмо вся жизнь моя от Вашего ко мне милосердия зависит, но что я и ею Вам должен», — пишет он 14 февраля 1756 г. — и тут же обращается с просьбой похлопотать перед П.И. Стрешевым о разрешении ему отпуска в Санкт-Петербург, причем не зачем-нибудь, а именно «Вас видеть»²⁷. «Вы, милостивая государыня, довольно знать изволите, сколь велика моя искреннея преданность и почтения к Вам быть должны во всех случаях моей жизни, как и ништо тово более меня чювствовать не может», — продолжает он свои излияния 22 декабря 1756 г.²⁸, и т.д. Все это звучит как стандартные заверения клиента в преданности и благодарности своему покровителю-милостивцу.

В одном из последующих писем, однако, Ржевский как будто оговаривается и просит извинить его за слишком горячие излияния: «Естли, милостивая государыня, моя простосердешняя искренность, с котораю

²⁶ Дневниковая запись от 14 декабря 1758 г. РГАДА. Ф. 188. Оп. 1. Д. 418. Л. 92 об.; с. 141 наст. изд.

²⁷ Письмо А.И. Ржевского от 14 февраля 1756 г. РГАДА. Ф. 188. Оп. 1. Д. 418. Л. 27; с. 91 наст. изд.

²⁸ Письмо А.И. Ржевского от 22 декабря 1756 г. РГАДА. Ф. 188. Оп. 1. Д. 418. Л. 7 об.; с. 92 наст. изд.

я таперича пишу, не имев при сем никакой осторожности, перешла границ должнейшева моево к вам почтения, то с нижайшею моею покорностию прошу мне отпустить милосердно!», и далее: «Я признаюсь, что я таперь чувствую слабость моево разума, а такая побуждения в себе, которая иногда против наших воль нашими разумами владеит!»²⁹ Здесь у читателя уже невольно начинают закрадываться сомнения: терминология, в которой Ржевский объясняется с покровительницей, мало отличима от того языка, которым извинялся бы перед предметом своего обожания чересчур ретивый поклонник, — здесь и «побуждения», которые «против наших воль нашими разумами владеют», и «простосердешняя искренность», которая заставила его «перейти границу <...> почтения». Заметим, что в этих же выражениях также можно усмотреть и ранние проявления формирующейся культуры чувствительности и искренности.

Подобные излияния можно было бы списать на необходимые ритуалы общения с патронессой, однако имя Белосельской всплывает в дневнике не только в обращенных к ней письмах. Ржевский волнуется о тетушке и ее семействе: в мае 1758 г. он просит своего полкового командира отпустить его ненадолго в Карачев, «чтоб мне обстоятельно проведать про тетку княгиню На[талья] Гр[игорьевну] Белосельскую и про всю ее фамилию, как здесь слух носился не обстоятельной»³⁰. Тетушка, наконец, снится ему, причем в довольно странном контексте: «Видел сон про княгиню Наталью Григорьевну: что она в игре ехала на 8 пегих лошадах, и с ней ... много девак»³¹.

Наконец, мы видим, что именно к Белосельской, по сути, и обращен весь журнал! «Я не знаю, какие во мне побуждения есть вести точная журнал моей жизни; может быть для того, что по смерти моей тем ево читать случитца, для которых я привел себя в такое бедное и болезное состояние, в каком я чрез столько лет уже страдаю», — пишет Ржевский в конце 1758 г., в разгар самого тяжелого приступа своей болезни, и добавляет даже: «Признаюсь, что временем скучаю моей жизнью»³². Чуть позже, однако, он раскрывает, о ком на самом деле

²⁹ Письмо А.И. Ржевского от 23 апреля 1758 г. РГАДА. Ф. 188. Оп. 1. Д. 418. Л. 66 об.-67; с. 122 наст. изд.

³⁰ Дневниковая запись от 25 мая 1758 г. РГАДА. Ф. 188. Оп. 1. Д. 418. Л. 68; с. 123 наст. изд.

³¹ Дневниковая запись от 17 апреля 1758 г. РГАДА. Ф. 188. Оп. 1. Д. 418. Л. 65; с. 121 наст. изд.

³² Дневниковая запись от 8 декабря 1758 г. РГАДА. Ф. 188. Оп. 1. Д. 418. Л. 83 об.; с. 138 наст. изд.

Конец ознакомительного фрагмента.
Приобрести книгу можно
в интернет-магазине
«Электронный универс»
e-Univers.ru